



СЕЙЧАС

Кому: «Амброзия Веллингтон» a.wellington@wesleyan.edu
От кого: «Совет выпускников Уэслиана» reunion.classof2007@gmail.com
Тема: Встреча выпускников 2007 года

Дорогая Амброзия Веллингтон!

Если Вы не покинете нас до полуночи, то увидите праздничный фейерверк! Не пропустите великолепный финал нашей незабываемой встречи!

Нас ждет захватывающее зрелище! Долгожданная развязка, которую мы заслужили!

Искренне Ваш,
Совет выпускников

— Это Поппи! — выпаливаю я, едва мы вваливаемся в Никс, оставив Фелти снаружи. Я понижаю голос, потому что уверена, что он по-прежнему околачивается под дверью. — Это она написала записки! Сто пудов!

Глаза Салли расширяются, она дрожащей рукой касается скулы. На нее трудно нагнать страху, но сейчас, мне кажется, она перепугана настолько, насколько это вообще возможно.

— Поппи! Да откуда ей... как она могла догадаться?

— Не знаю. Она потеряла человека, который значил для нее больше всех на свете. Видимо, не пожалела сил, раскопала что-то.

Я не свожу глаз с лица Салли, желая увидеть ее реакцию, — увидеть признание, которого она никогда не сделает вслух.

Но она разворачивается и молнией кидается по коридору к нашей комнате.

— Так, наверно, это Поппи за мной и бежала! В любом случае я не собираюсь здесь торчать и ее дожидаться!

Я трусцой припускаю за ней, размахивая туфлями, зацепленными за пальцы.

— Я знаю, что ты сделала! — кричу я. — И Поппи тоже знает! Она написала записки, чтобы заманить нас сюда, и теперь не даст нам просто так уехать!

Салли останавливается. Голова у нее втянута в плечи.

— Она наверняка идет сюда. Она знает, где нас искать. Я уезжаю! И если у тебя есть мозги, уезжай и ты!

— Ты не можешь просто взять и уехать! Мы должны с ней поговорить!

Салли оборачивается, стирая с нижнего века жирную подводку.

— Ага, щас! Она поди прям горит желанием нас выслушать!

Я протягиваю руку, хотя сама не знаю, хочу я ее коснуться или оттолкнуть.

— Мы должны встретиться с ней лицом к лицу, иначе она разыщет нас снова. Это никогда не прекратится.

Наверное, на языке у нее сейчас вертится коронная фраза: «Никаких нас нет!» Но она молча отворачивается и чешет дальше.

— Ты делай что хочешь, а я уезжаю домой!

Я смотрю на ее спину — на бисер на позвоночнике, на острые крылья лопаток. У двери в нашу комнату она нетерпеливо протягивает руку за своей карточкой. Но в карточке нет надобности — дверь открыта.

Я резко останавливаюсь и стискиваю туфли.

— Там кто-то есть.

— Мне по хрен, — Салли распахивает дверь.

Не знаю, чего я ожидала. Что из темноты выско-чит сидящая в засаде Поппи? Но в комнате только Адриан — сидит на стуле, нагнувшись вперед, у ног — спортивная сумка. Брюки задрались, так что видны дурацкие носки, которые я подарила ему в прошлом году на день рождения. Ох, боюсь, больше никаких дней рождения мы вместе праздновать не будем...

— Адриан! — Даже его имя я произношу как-то виновато.

— А ты ожидала увидеть кого-то другого?

Он в бешенстве, но не хочет устраивать сцену перед Салли — он не такой. Ему по жизни нужен был лишь один софит — мое безраздельное внимание. Но я им мужа не баловала.

Салли сбрасывает туфли на каблуках и влезает в ботильоны.

— Я пошла.

И идет в свою комнату. Я смотрю, как она запики-вает одежду в чемодан.

— Вот так возьмешь и уедешь?

Она поднимает глаза:

— Поехали со мной. Серьезно!

Салли хватается за запястья, сжимает их до боли, но я отшатываюсь как ужаленная. Она моргает по-дет-

ски растерянно — но я в ее ранимость по-прежнему не верю.

Ее лицо осеняет печальная улыбка. Может, конечно, человеческие чувства где-то в глубине души у нее и скребутся — но где-то очень глубоко. Мы расстаемся без лишних слов и страстей. Наверное, слишком много взлетов и падений мы уже пережили вместе. Я не смотрю ей вслед. Слишком много раз я уже видела ее удаляющуюся спину.

— Прости меня, — говорю я Адриану, когда она уходит. — Я не знала, где тебя искать, хотела написать эсэмэску, но телефон пропал.

— Вот он, — его держит Адриан — я вижу розовато-золотистый чехол в его руке. — По-моему, тебе пора внятно объяснить, что, черт возьми, происходит!

Я приваливаюсь к двери. Обычно, когда мы с Адрианом ссоримся, я первая делаю шаг к примирению. Обнимаю его за плечи, запускаю руки в его волосы. Но сейчас мои прикосновения его только взбесят.

— Эти выходные с самого начала не задались. Не надо было нам сюда ехать.

— Я бы спросил, почему Салли удирает в такой спешке, но ведь ты все равно совершь, — говорит Адриан. — А что за мужик у тебя нарисовался? Я знаю, ты с ним встречалась!

— Да нет никакого мужика! Правда нет. Ничего не было.

— А вот Билли другое говорит. — Он бросает мой телефон на кровать и сцепляет лодыжки. — По-моему, она хорошенько приняла на грудь! Я от нее столько нового узнал!

Я шагаю к кровати и подбираю телефон. Нужно срочно придумать какую-то ложь, наплести с три коро-

ба и заставить Адриана отказаться от своих намерений, каковы бы они ни были. Но сперва мне нужно понять, что он успел разведать.

Я читаю сообщение, которое он отправил Билли от моего имени.

«Меня совесть замучила. Как же быть с Адрианом?»

От того, что я вижу его имя в своем телефоне и знаю, что он сам его напечатал, мне хочется плакать. Адриан, верный и надежный, чуждый всякого двуличия. Я превратила его в другого человека.

Билли отвечает в типичной для себя пострислинговой манере — слезливой и саркастичной одновременно. Я прямо вижу, как она строчит сообщение: на щеках румянец, ноги в тапочках лежат на коленях у Райана, который смотрит хоккей или футбол.

«Может, он не мужчина твоей жизни? Ты должна разобраться в своих чувствах к этой своей студенческой зазнобе. Иначе следующие десять лет будешь жалеть, так ведь?»

На это Адриан ничего не ответил. Тогда Билли написала сама:

«Ты говорила, что искала его в каждом парне, с которым встречалась...»

Неужели я такое говорила? Я романтизировала его — подобно тому, как весьма посредственный отпуск задним числом кажется лучшим временем в жизни.

И снова Билли — десять минут спустя: «Я требую подробностей!»

Я кладу телефон на подушку экраном вниз. Адриан смотрит в пол. Он не хочет меня видеть. Не хочет — или больше не может.

— Я все объясню, — говорю я. — Был один человек... я думала, что люблю его. Но все это давно

в прошлом. Он приезжал сюда в эти выходные, и да, я с ним встречалась. Но ничего не было, клянусь!

Его молчание действует мне на нервы. Адриан никогда за словом в карман не лезет, всегда готов разрядить обстановку шуткой. Но сейчас он только слушает, что я лепечу в судорожных попытках оправдаться.

— Он оказался... герой не моего романа. Пойми, мне здесь и так не по себе...

Адриан поднимается так стремительно, что стул опрокидывается, задрав ножки, — будто сердитый жук, который упал и встать не может.

— Опять врешь! Ты и все эти годы врала, так ведь? Да я за один день здесь узнал о тебе больше, чем за все это время, что мы вместе! И теперь понимаю, что все это время ты мне лгала!

Я открываю рот, но он не умолкает:

— Ты ведь помнишь, что я говорил насчет измен, да? А как же клятвы, которые мы давали друг другу? Хранить верность, все такое... Все это одна большая ложь!

— Неправда! Я клялась от всего сердца! Ничего не было! Мне просто нужно было увидеть его, чтобы закрыть гештальт. И я закрыла! — Я так деру кутикулы, что на большом пальце выступает кровь.

— Он — это, надо понимать, Кевин! — Адриан выплевывает его имя. — Бойфренд Флоры, которого ты якобы раз в жизни видела. Но именно он изображен на фотографии, которую я нашел дома. Да что уж там — я узнал о своей жене много такого, чего мне и в страшном сне присниться не могло! — Он рассказывает взад и вперед по комнате, так что в ней становится еще теснее. — Когда я нашел эту фотку, ты имела наглость заявить, что его нет в живых!

Я чувствовал: что-то тут нечисто, — но не стал лезть с расспросами. Я же, черт возьми, должен доверять жене! Знаешь, Гугл мне сегодня вечером много чего поведал о Кевине Макартуре!

— Да, есть вещи, которых ты обо мне не знаешь. — Я опускаюсь на кровать. — Но все это в прошлом. Ты знаешь меня настоящую. Я — та, за кого ты меня держишь. Поверь мне.

Он зарывается руками в волосы, лохматит свою кудрявую гриву.

— Я больше не верю ни единому твоему слову, Амб!

Мне вспоминается наше первое рождественское утро: он тогда встал пораньше, чтобы положить подарки под крошечную искусственную елочку, которую мы поставили у телевизора. Снега в том году не выпало, и он знал, что меня это огорчает. Я опешила, когда заспанная выползла из спальни и вступила во что-то сухое и белое. Адриан был на кухне, которую я терпеть не могу за тесноту, и, улыбаясь, жарил сладкие гренки. Мы были по-настоящему счастливы.

Потом я ругалась на весь этот бардак, злилась, когда белая труха липла к босым ногам, злилась, когда мы еще много месяцев выгребали ее из диванных подушек. «Иногда мне кажется, что ты меня ни во что не ставишь», — сказал однажды Адриан — только вот не помню когда. Может, он говорил это не один раз.

— Я уезжаю, — говорит он. — С меня хватит. Знаешь, когда мы только познакомились, я написал всем друзьям: мол, я встретил девушку, на которой женюсь. Они хором ответили, что у меня просто крышу снесло от образцового секса. Не знаю, в кого я тогда влюбился, но точно не в тебя.

— В меня! Я уеду вместе с тобой.

Виски у меня ломит, глазам горячо. Я уж и не помню, когда меня обуревали такие сильные чувства. Салли сделала меня малочувствительной, ее апатия действовала, как мощный наркотик.

— Нет уж. Я уеду один. Теперь я понимаю, почему ты все время уговаривала меня вернуться домой! Ты хотела увезти меня отсюда, пока я не узнал лишнего!

Возразить мне нечего — он кругом прав.

— Ты никогда не будешь счастлива, — говорит он. — Со мной уж точно нет. Иногда мне кажется, что тебе нравится страдать. Ну так проваливай к своему Кевину! Совет да любовь!

Я задерживаю дыхание, понимая: то, что я сейчас скажу, предопределит всю нашу дальнейшую жизнь. Я хочу, чтобы он осознал: все в наших руках. Мы можем все изменить.

— Я беременна, — тихо говорю я. — Я сама только сегодня узнала. Все ждала подходящего момента, чтобы тебе сказать.

Он так сильно хочет детей. Эта новость все изменит. Она даже меня, похоже, изменила...

— У нас будет ребенок.

Я впервые произношу это вслух. У нас в квартире нет места для ребенка, но можно переехать в пригород, вообще уехать из Нью-Йорка, даже вернуться в благословенный Пеннингтон — если верить Тони, это отличное место, чтобы растить детей. Мы купим кроватку, Адриан ее соберет, а потом положит ладонь на купол моего живота, и малыш запинается в ответ. Эту поездку в Уэслиан мы больше ни словом не помянем.

Но он отворачивается и, наклонившись, запускает руку в мою сумочку, которая стоит у стола, согнув-

шись пополам, словно ее пнули в живот. И вынимает противозачаточные, которые я перекладываю из сумки в сумку.

— Ну конечно, — говорит он. — Ты беременна. А еще ты таблетки перестала принимать шесть месяцев назад. И написала Билли: «Только детей мне не хватало!» Какая же ты бесстыжая лгунья! На тебя даже смотреть тошно.

Блистер с таблетками дзинькает на пол.

— Нет, ты не понимаешь! Я сегодня сделала тест. У меня было чувство...

— Конечно, тест, — перебивает он. — Ты думаешь, я настолько тупой? Только потому, что университет не закончил? Зато у тебя ума палата — увела парня у соседки по комнате! Парня, который сказал ей наложить на себя руки! А теперь уверяешь, что беременна, потому что думаешь, что ребенком меня удержишь. Не хочу я от тебя никаких детей, Амб! И вообще ничего от тебя не хочу!

Челюсть у меня дрожит. Все летит к чертям. Адриан, вся наша любовь, наша общая жизнь, которую я принимала как нечто само собой разумеющееся. Мне вспоминается, как он купил целую упаковку тестов на беременность, предвкушая, как мы будем любоваться двумя розовыми полосками. Он тер меня по спине, когда тесты были отрицательные, и говорил, что наш час еще пробьет. Вот он пробил, но ему это уже не нужно.

Он закидывает спортивную сумку на плечо. Губы — прямая линия, брови сведены. Вокруг глаз — ни ямочек, ни морщинок. Я так и не подпустила его к себе настоящей — к женщине, которая никогда не могла вовремя остановиться.

— Я люблю тебя, — говорю я ему в спину. — Я правда тебя люблю.

Он замирает на пороге, но не оборачивается.

— Ты не знаешь, что такое любовь. И не знала никогда.

Он оставляет дверь нараспашку, хотя у него куча причин хлопнуть ею со злости. Нужно бежать за ним, бороться за него — за нас обоих. Но он заслуживает откровенности, а если я сяду и расскажу все как есть, он и так меня бросит.

Может, лучше пусть он уйдет, считая меня обманщицей и лгуньей — но не убийцей.

Может, без меня ему будет лучше.

Я сползаю на пол, задрав платье. Запрокидываю голову и устремляю взгляд в потолок. Наверное, в последние мгновения жизни Флора созерцала эту же унылую бежевую красочку — пока ее глаза не перестали видеть. А может быть, над ней нависала Салли, глядя, как из нее вытекает жизнь, и напоследок Флора увидела лишь ее гаденькую усмешку. Надеюсь, что нет.

Раздается деликатный стук в дверь. Я вытираю лицо. «Адриан». Он вернулся, он хочет дать нам шанс. Мы пойдем к семейному психотерапевту. Вот Билли и Райан несколько лет назад ходили, когда, по ее словам, «окончательно перестали друг друга перетравливать». Мы все преодолеем.

— Я таких дров наломала, — говорю я. — Давай поговорим.

Дверь медленно открывается, и первое, что я вижу — это ноги. А на ногах — тапочки. Тапочки с зайчиками. Их выпученные глаза таращатся по сторонам. Именно в этих тапочках Флора вечно шаркала по комнате. Эти розовые зайчики свисали с кровати,

Девушки здесь все такие милые

когда она смотрела фильмы на ноутбуке, когда говорила по телефону с Кевином, когда печатала длинные письма сестре.

Сестре, которая на все письма исправно отвечала. Которая, с трясущимися губами, сказала журналистам, что человек, виновный в гибели Флоры, однажды за это заплатит. Все решили, что она о Кевине.

— Ну наконец-то ты готова во всем признаться, — мягко говорит она. Лицо у нее точь-в-точь как у Флоры — только намного жестче.

То самое однажды настало.



СЕЙЧАС

Кому: «Амброзия Веллингтон» a.wellington@wesleyan.edu
От кого: «Совет выпускников Уэслиана» reunion.classof2007@gmail.com
Тема: Встреча выпускников 2007 года

Дорогая Амброзия Веллингтон!

Понравилось ли Вам все, что мы для Вас приготовили? А может, Вы успели развлечься и сверх программы? Надеемся, что возвращение в альма-матер помогло Вам лучше узнать саму себя. Возможно, Вам удалось заглядеть какие-то провинности, которые тяготили Вас все эти годы.

Если нет, не отчаивайтесь — у Вас еще есть шанс это сделать.

Искренне Ваш,
Совет выпускников

— Амброзия Франческа Веллингтон. Наконец-то мы встретились. — Она тихонько прикрывает за собой дверь. И запирает замок — щелчок, от которого моя кожа натягивается, как тугая резина.

— Поппи. — Я заправляю за уши выбившиеся прядки, пытаюсь подавить прилив ужаса. — Я хотела поговорить с тобой на вечере памяти, но день получился просто сумасшедший. Я вот с мужем вдрызг разругалась...